

Греческая революция 1821 г. и политика России в Восточном вопросе

Е.П. Кудрявцева

Институт Российской истории РАН

Греческая революция 1821-1829 гг. способствовала началу и развитию Восточного кризиса 20-х гг. XIX в., который привёл к военному разрешению русско-турецких противоречий в 1828-1829 гг. Российское правительство было вынуждено пристально следить за развивающимися в Греции событиями, неоднократно заявляя Порте об осуждении её репрессий против греческого населения. В ходе кризиса Петербургский кабинет не раз предпринимал попытки дипломатического урегулирования греко-турецкого конфликта путём совместного выступления европейских держав перед османским правительством. Соглашения, принятые на Петербургской (1826 г.) и Лондонской (1827 г.) конференциях держав, были направлены на «умиротворение» Греции. В результате малоэффективных шагов европейских правительств российские власти были вынуждены кардинально изменить свою политику: заявить о решимости предпринять самостоятельные шаги в разрешении греческого вопроса и начать военные действия против Османской империи.

Греческое восстание 1821 г. превратилось в центральное событие 20-х гг. XIX в. на Балканах. Встав в один ряд с революционными движениями в европейских странах, греческая революция привела к изменению всей внешнеполитической доктрины российского правительства. Оно было вынуждено, несмотря на приверженность российских императоров принципам Священного союза, не только оказать воюющим грекам материальную и моральную поддержку, но и открыто заявить союзникам о наличии собственных внешнеполитических интересов на Балканах. Совпадение этих интересов с требованием независимости, выдвигаемым лидерами греческого движения, побудило российское правительство к решительности. Российская империя встала на путь самостоятельной политики в Восточном вопросе, которая способствовала победе национальных интересов Греции.

Ключевые слова: Греческая революция, Россия, Восточный вопрос, международные отношения, Балканы

200-летний юбилей Греческой революции 1821 г. предоставляет современным исследователям внешней политики России повод вновь обратиться к истории русско-греческих связей и к кризису, возникшему на Балканах

УДК: 322

Поступила в редакцию: 24.12.2020 г.

Принята к публикации: 12.02.2021 г.

в 20-е гг. XIX в., а также проследить его влияние на развитие международных отношений в Европе в последующие годы. К тематике Восточного кризиса обращались многие отечественные исследователи, сумев воссоздать картину его зарождения, развития и завершения в результате заключённого в Адрианополе мирного договора 1829 г. (Арш 1976; Шпаро 1965; Нарочницкий 1980; Станиславская 1976; Международные отношения 1983). Тем не менее влияние балканских событий на весь ход международной жизни в Европе было столь очевидным, что потребовалось дальнейшее изучение самых разных аспектов Восточного кризиса. В этой многоплановой теме отдельный интерес представляет сюжет о русско-греческих отношениях и роли Греческой революции в развитии доктрины внешней политики российского правительства.

Революция 1821 г., начавшаяся в Греции, стала катализатором Восточного кризиса, длившегося на протяжении почти 10 лет и завершившегося предоставлением Греции полной независимости. В кризис были вовлечены ведущие европейские страны, составлявшие «концерт» европейских держав и определявшие расклад межгосударственных отношений, которые выстраивались в тесной связи с догмами созданного после Венского конгресса Священного союза. Принципы Священного союза оказали решающее влияние на то, что восстание А. Ипсиланти, начавшееся в Молдавии весной 1821 г. и затем перекинувшееся на территорию Греции, было причислено европейскими державами к «революционным» движениям, подлежавшим безусловному порицанию.

Российский МИД всегда уделял повышенное внимание внешней политике России на Балканах и в регионе Черноморских проливов. Это был регион традиционно устойчивых геополитических интересов российского правительства, связанных с обороной южных причерноморских границ России, расширением её политического присутствия на Ближнем Востоке и в Турции, укреплением влияния на православное население Балканского полуострова и православные патриархаты, а также развитием русской торговли через Босфор и Дарданеллы. Проблема Проливов в общем комплексе Восточного вопроса всегда занимала первое место.

Несмотря на то, что в 1815 г. с инициативой создания консервативного Священного союза выступила именно Россия, она не была в состоянии строго соблюдать провозглашённые Союзом принципы. Причины этого следовало искать в объективных геополитических приоритетах российской державы. На Лайбахском конгрессе держав-участниц Священного союза (1821 г.) Греческое восстание было решительно осуждено и причислено к европейским революционным движениям 1820-х гг.

Поначалу Александр I присоединился к этой общей оценке – иначе и не могло быть. Консервативные тенденции внешней политики российского императора значительно усилились после известий о революциях в Европе. Ко всему прочему, Россию упрекали в поддержке начавшейся революции в Греции: возглавивший повстанцев в Яссах А. Ипсиланти был генералом русской армии,

а лидер восстания в Валахии Т. Владимиреску во время русской-турецкой войны 1806-1812 гг. находился на русской службе. Итак, создатель и вдохновитель нового европейского объединения – Александр I – не мог занять политической позиции, которая отличалась бы от заявленной его союзниками в ходе конгресса. Однако в отличие от западных держав, у России геополитические интересы совпадали с устремлением греков к национальной независимости. Российские власти были заинтересованы в создании на Балканах автономных или полунезависимых славянских государств, ориентированных в своей политике на «державу-покровительницу», которой после Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. негласно считалась Россия.

Российские власти не могли быть достаточно последовательны в поддержании союзнических настроений в греческом вопросе ещё и потому, что действия Порты, направленные на ограничение свободной торговли России через Проливы, осуществлявшейся в основном на судах, принадлежавших грекам, противоречили экономическим интересам Российской империи. По распоряжению османского правительства суда под русским флагом, с русскими товарами на борту насильно останавливались и подвергались принудительной выгрузке, что наносило значительный ущерб хлебной торговле Новороссии. Российские власти учитывали не только протесты купечества и предпринимателей, но и настроения самых широких слоёв русского общества в поддержку греческого народа.

Симпатия русского общества к грекам имела давние традиции; эллинофильские настроения были широко распространены как в консервативных, так и демократических кругах (Фадеев 1958: 81). Греческая организация «Филики Этерия», основанная в Одессе, объединяла в своих рядах многих приверженцев идеи освобождения Греции. Об этой организации знали высшие государственные сановники и сам император Александр I, причём члены организации не преследовались властями. Идея воссоздания сильной греческой державы уходила корнями в «греческий проект» Екатерины II, который во многом опирался на конфессиональное единство греков и русских. После присоединения Крыма Севастополь был заложен в качестве «ворот в Константинополь», а своего второго внука императрица назвала Константином в надежде на возрождение Византийской империи. Безусловно, эти планы были гипотетическими и не имели под собой конкретной военно-политической основы, однако ясно свидетельствовали о широких симпатиях общества к «греческой идее».

Эти симпатии получили особое звучание в либеральных кругах России. Видные деятели общественной мысли начала XIX в. – В.Ф. Малиновский, А.А. Самборский, В.Н. Каразин – выдвигали планы по созданию на территории балканского полуострова славяно-сербского государства (Достян 1980). Греческой революции были посвящены публицистические и художественные произведения русской литературы, она воодушевила А.С. Пушкина на создание целого цикла стихов. Декабристы считали восстание справедливой борьбой за независимость. В частности, П.И. Пестель – руководитель Южного общества

декабристов – разработал проект «Царства Греческого», которое бы объединило балканские народы в федерацию (Достян 1980: 243). Этот вопрос рассматривался и в другом декабристском кружке – в «Обществе соединённых славян». Декабристы и связанные с ними офицерские круги русской армии считали, что Россия обязана оказать греческому населению материальную поддержку, а восставшим – военную помощь.

Греческое восстание 1821 г. стало центральным событием 20-х гг. XIX в. на Балканах. Влияние греческой революции на развитие политической жизни балканских народов было огромным. Южнославянские народы следили за развитием событий в Греции. Известно, что греческие повстанцы обращались за военной помощью к сербскому князю Милошу Обреновичу, но тот не решился выступить в помощь грекам; сербский лидер вёл с Портой переговоры о предоставлении Сербии автономии в Османской империи, и воздержался от неосторожных действий, угрожавших сорвать готовящийся договор.

Греческие события активизировали вмешательство в балканские дела европейских держав, что способствовало выделению греческой проблемы в отдельное направление международных отношений в 20-х гг. XIX в. Конгрессы Священного союза должны были дать оценку происходящим в Европе событиям и выработать решения по предотвращению революционных выступлений, включая вооружённое вмешательство во внутренние дела других государств. Особый интерес для союзников представлял вопрос о сохранении status quo в Османской империи. Особенно ярко это стремление было выражено в политике непосредственной соседки Турции – Австрии, опасавшейся «дурного» примера восставших на многочисленные народы, входившие в состав империи Габсбургов. Поначалу правительство Великобритании также было склонно осудить восставших греков. Однако вскоре позиция Сент-Джеймского кабинета изменилась: Греция была признана воюющей стороной, т.е. самостоятельным субъектом международных отношений, что привело к улучшению англо-греческих отношений в целом. Не будучи связанной обязательствами Священного союза, Великобритания могла действовать без оглядки на другие державы, преследуя, в первую очередь, собственные планы по укреплению политико-экономических позиций в регионе. Греческое восстание было использовано английским правительством именно в этих целях, тем более что главный соперник Англии на Балканах, каковым была Россия, не смог проявить решимость и встать на сторону восставших. Английский министр иностранных дел Дж. Каннинг заявил в 1823 г.: «Россия покинула своё передовое место, Англия должна воспользоваться этим и занять его» (Татищев 1887: 154).

В отличие от западных держав, Россия к началу XIX в. имела устойчивые традиционные связи с православными народами Балкан. С петровских времён поддерживались связи русской церкви с православной церковью в Черногории и Сербии, а также с ближневосточными патриархатами. Многие монастыри и обители Балканского полуострова, Малой Азии и Леванта пользовались широ-

кой материальной поддержкой из России, входя в список Палестинского штата, утверждённого Святейшим синодом в 1735 г., и получая «милостинные» выплаты на протяжении многих лет. Южные славяне возлагали надежды на помощь России, как могущественной державы-покровительницы. Прорусски настроенные деятели южнославянской культуры строили планы объединения с северной державой, распространения её покровительства на те территории Османской империи, которые не входили ранее в сферу политических интересов России. Одной из таких инициатив были предложения черногорского архимандрита Д. Владевича о присоединении к России Галиции, Буковины, Далмации, Рагузы, Боки Которской и Ионических островов с одновременным установлением покровительства над Сербией, Болгарией и Албанией¹. Однако внешнеполитические планы российского правительства не подразумевали территориального расширения России за счёт балканских владений Порты; и Бухарестский (1812), и Адрианопольский (1829) договоры содержали лишь требования предоставления автономного устройства для сербов и греков. Россия не планировала захвата Константинополя даже в 1829 г., когда непосредственная угроза нависала над столицей османов. Однако надежды подвластных Турции христиан заставляли российское правительство корректировать свои политические планы.

Российское правительство прибегало к самым разнообразным формам влияния на славянское и православное население Османской империи, включая поддержку конституционных планов по образованию независимых балканских государств. Ещё в конце XVIII в. в России были разработаны конституционные основы Республики Семи Соединённых островов. Одним из авторов конституции, наряду с И. Каподистрией, А. Чарторыйским и А. Италинским, выступил прославленный адмирал Ф.Ф. Ушаков, командовавший осадой крепости на о. Корфу. Это была первая попытка восстановления греческой государственности после многовекового периода османского господства. Республика Семи Соединённых островов была образована в 1800 г., формально находясь под властью Османской империи и под покровительством России. Ионическая республика стала очагом греческого национального движения за независимость. В 1807 г. по условиям Тильзитского мира российский флот покинул Ионические острова. Важная стратегическая база России на Адриатическом море была утрачена, а с ней и то политическое влияние, которое Россия имела в средиземноморском регионе. Это хорошо понимали российские дипломатические представители в Константинополе. В 1807 г. Ионическая Республика прекратила своё существование.

Однако не только жители Ионических островов стали опорой российских войск в Адриатике. Ими были ещё и черногорцы, возлагавшие большие надеж-

¹ Письмо черногорского архимандрита Д. Владевича Н.П. Румянцеву с планом создания славяно-сербского государства. 26 февраля 1814 г. 1997. *Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX в. Документы*. Москва. С. 81.

ды на помощь России, и российские власти использовали это желание черногорского народа в своих целях. Непреложным фактом русско-черногорских отношений начала XIX в. была помощь черногорцев российским войскам в войне против французов в Которе и в Далмации (Гуськова 2002: 75). Именно на ионическую конституцию ориентировались православные балканские народы, выстраивая свои собственные планы по освобождению от османского гнёта. Жители Дунайских княжеств и Сербии при подготовке документов, которые должны были лечь в основу независимости национальных государств, прежде всего, упоминали опыт Ионической республики.

Первой балканской провинцией Османской империи, получившей права автономной власти, стала Сербия. Белградский пашалык, где развернулась вооружённая борьба за независимость, стал центром Первого (1804-1813 гг.) и Второго (1815 г.) сербских восстаний. Сербский лидер Милош Обренович, вступивший в переговоры с турецкими властями, получил поддержку российского правительства. Посланники России в Константинополе – Г.А. Строганов, А.И. Рибопьер, А.П. Бутенев – приняли непосредственное участие в выработке планов по строительству независимой Сербии (Кудрявцева 2005: 101). Строганов прямо советовал сербским старейшинам ознакомиться с правами Республики Семи Соединённых островов, чтобы выбрать для своего проекта сербской государственности наиболее подходящие статьи. «Если которое-либо из прав, присвоенных островами или Валахией, покажется вам выгоднее права, в Сербии существующего одинакового рода в первом, то вы можете предпочесть оное своему собственному», – писал Строганов сербским депутатам².

Известия о Греческой революции были неоднозначно приняты правящими кругами России. Статс-секретари К.В. Нессельроде и И. Каподистрия, возглавлявшие Министерство иностранных дел, занимались выработкой внешней политики России соответственно на западном и восточном направлениях. Каждый из них имел своих приверженцев среди государственных деятелей и дипломатического корпуса. Каподистрию поддерживали Строганов и «апостол войны» – посол России во Франции К.О. Поццо-ди-Борго (Достян 1972: 214). Они выступали за немедленное начало войны против Турции. Напротив, приверженцы Нессельроде считали недопустимой военную поддержку революционного движения в Греции. Император предпочёл занять промежуточную позицию: не решившись на войну, он счёл себя обязанным обратиться к Порте с заявлениями безусловного осуждения бесчеловечного обращения османских войск с греческим населением. Александр I пытался внушить Порте мысль о том, что прекращение репрессий послужит к выгоде турецкого правительства, лишив европейские державы повода вмешиваться во внутреннюю политику Османской империи.

² Г.А. Строганов сербским депутатам. 29 ноября 1820 г. *Российский Государственный архив древних актов*. Ф. 1278. Д. 90. Л. 114.

Поначалу Г.А. Строганов был уполномочен уверить турецкое правительство в решительном осуждении греческого движения российскими властями. Сам посланник считал, что отказ от активной политики на Балканах противоречит политическим интересам России и требовал от МИДа новых инструкций (Фадеев 1958: 53). «До сих пор я действовал только как христианин, – обращался он к графу Нессельроде. – Прикажите мне говорить от имени императора, укажите, в каких выражениях, свяжите меня, если можно, по рукам и ногам, чтобы я не мог сказать более, чем следует» (Шильдер 1898: 227-228). На первом этапе революции Строганов представил Порте ряд официальных нот российского МИД в защиту греков, хотя и мало надеялся на их результативность, разделяя мнение Каподистрии о том, что «ничего не добиваются от турок только с помощью слов» (Арш 1976: 91). Каподистрия старался отмежеваться от европейских революционеров и уверить монархов «великих держав» в том, что греческое движение не проникнуто «разрушительными принципами». Он полагал, что на помощь Европы греки могут рассчитывать только в случае отказа от «пагубных идей», провозглашённых в ходе революций в Пьемонте, Испании и Неаполе³.

Весной и летом 1821 г. Строганов направил Порте ноты, касавшиеся урегулирования турецко-греческого конфликта⁴. Последняя нота носила ультимативный характер; не дождавшись ответа османского правительства, российская миссия покинула Константинополь. Война, казалось, была неминуемой. Тогда впервые появились планы вооружённой защиты Россией своих интересов на Балканах – планы очень осторожные и несамостоятельные. Россия, прежде всего, хотела заручиться одобрением европейских союзников. Представителям в Вене, Берлине, Париже и Лондоне предлагалось запросить соответствующие кабинеты об их отношении к возможной посылке русских войск в европейские провинции Османской империи⁵. Российский император стремился обеспечить нейтралитет своего главного соперника на Балканах – Великобритании, сообщив о своих планах в Форин Офис⁶.

Тем временем восставшие греки ждали от России помощи. В 1821 г. на выкуп пленных греков российское правительство выделило 520 тыс. рублей, а в 1823 г. в России была объявлена подписка на сбор средств в пользу пленных повстанцев⁷. Безусловно, этой помощи было недостаточно. Если в восстании, начавшемся в Дунайских княжествах, принимали участие русские офицеры, то

³ Внешняя политика России в XIX и начале XX в. 1980. *Документы российского МИД (далее ВПР). Серия II. Т. XII (IV)*. Москва. С. 96.

⁴ Там же. С. 119, 207-210. Нота от 11 (23) апреля 1821 г.; нота от 6 (18) мая 1821 г.; нота от 6 (18) июля 1821 г.

⁵ Там же. С. 279. Циркулярная депеша управляющего Министерством иностранных дел К.В. Нессельроде посланнику в Берлине Д.М. Алопеусу, посланнику в Вене Ю.А. Головкину, поверенному в делах в Лондоне П.А. Николаю, послу в Париже К.О. Поццо-ди-Борго. 29 августа (10 сентября) 1821 г.

⁶ Там же. С. 279. Письмо Александра I министру иностранных дел Великобритании Каслри. 29 августа (10 сентября) 1821 г.

⁷ К.В. Нессельроде П.Г. Дивову. 8 сентября 1828 г. Архив внешней политики Российской империи (далее АВПРИ). Ф. Санкт-Петербург. ГА III-23. Оп. 109. Д. 1 (1823). Л. 1.

факты о русских волонтерах в Греции малочисленны. Известно, например, о воевавшем на стороне восставших офицере Н.А. Райко, который был незаконным сыном А.Г. Бобринского – сына Екатерины II и Григория Орлова. Райко состоял в переписке с Каподистрией и был свидетелем его убийства у входа в церковь Св. Спиридона. Поступив на службу греческому правительству, русский офицер поначалу был комендантом крепости Паламиди, затем порта Патрас, а позже – директором Военной школы (Достян 1978: 212). После обретения Грецией независимости Райко попытался вернуться на родину, однако Николай I воспрепятствовал этому. Только благодаря заступничеству поверенного в делах России в Греции Г. Катакази офицер смог выехать в Россию; в 1841 г. он был награжден греческим орденом за боевые заслуги.

Говоря о русских добровольцах, следует упомянуть и события на Афоне, монастырская жизнь которого также подверглась влиянию Греческой революции. Афонские монастыри издавна почитались в России и пользовались материальной поддержкой Святейшего Синода, входя в Палестинский список. Все 12 монастырей Афона получали причитающиеся «милостинные» дачи, а среди насельников числились и русские монахи⁸. Монастыри не избежали общей участи греческих поселений: они были в значительной степени разрушены и разграблены. В записке неизвестного автора «Судьба русского монастыря на Афоне» говорится, что Афон принимал активное участие в антитурецких выступлениях 1821 г. Среди монахов распространялись письма якобы от имени Александра I, будто бы на подмогу святогорцам высланы русский флот и войско. Эти письма читали у ворот монастырей под звон колоколов и грохот орудий с криками «Да здравствует царь русский!» Из числа молодых монахов был сформирован отряд, вооруженный саблями и пистолетами, а опытные в военном деле «русские монахи из казаков и беглых солдат» обучали восставших стрельбе⁹. После подавления восстания турки отрубили русским монахам головы. Турки заняли Афонские монастыри и новые насельники смогли вернуться в обители только через 10 лет. Оставшиеся в живых монахи обратились к временно поверенному России в Константинополе М.Я. Минчаки с просьбой «дозволить возвратиться в Отечество». В списке возвращавшихся было 48 имен монахов из обители Св. Пророка Илии и Зографского скита.

После того, как планы российского императора по военному решению греческой проблемы не нашли поддержки европейских дворов, Александр I был вынужден прекратить их обсуждение с союзниками. Российскому императору пришлось признать, что «коллективные» усилия не приносят ожидаемых плодов и всё дальше отодвигают греко-турецкое урегулирование, лишая Россию возможности отстаивать собственные интересы в регионе. Российский импера-

⁸ Д.В. Дашков в Азиатский департамент. 26 ноября 1824 г. *АВПРИ*. Ф. Санкт-Петербург. ГА III-23. Оп. 109. Д. 4 (1824-1825). Л. 14. Д.В. Дашков в Азиатский департамент. 26 ноября 1824 г.

⁹ Судьба русского монастыря на Афоне. *АВПРИ*. Ф. Санкт-Петербург. А II-9. Оп. 46. Д. 20. Ч. V. Л. 24 об. Л. 25.

тор заявил, что впредь считает бесполезным «вступать в новые объяснения со своими союзниками в турецких делах» и «будет исключительно следовать своим собственным видам и руководствоваться своими собственными интересами»¹⁰. К тому времени державы уже не верили, что Россия начнёт военные действия. Английский министр иностранных дел Дж. Каннинг писал об Александре I: «Вряд ли он решится идти на войну вопреки протестам Австрии и Франции и против Англии, которая протестовала очень давно, и теперь, не связанная никакими обязательствами или участием в Союзе, стоит в стороне – я не верю, что он будет рисковать» (Шпаро 1965: 117). Следует отметить, что Каннинг недооценил решительность российского императора – лишь его неожиданная смерть отсрочила начало войны.

Вступив на престол, Николай I объявил о преемственности восточной политики Александра I. Новый император столкнулся с проблемами, вызванными продолжавшимся Восточным кризисом, которые ждали своего разрешения. Прежде всего, это касалось позиции правящих кругов России по отношению к Греческому восстанию. Хотя Николай I, как и его предшественник, считал неприемлемыми революционные методы борьбы греков, рассматривая восставших как «мятежников» и «бунтовщиков», ему, как и другим европейским монархам, приходилось учитывать, что международные отношения в балканском регионе стали напрямую зависеть от развития событий в Греции. Англия, Франция и Австрия к тому времени ясно выразили своё нежелание пойти навстречу России в координации действий по греческому вопросу. Своеобразие международной обстановки, как справедливо отмечает В.Н. Виноградов, состояло в том, что впервые общеевропейский конфликт был вызван не столкновением великих держав, а общевосточными проблемами (Виноградов 1984: 92). Необходимость отделения Греции от Османской империи становилась очевидной, интрига заключалась лишь в том, какая из держав установит в Греции преобладающее влияние после провозглашения независимости.

Желанием предотвратить русско-турецкую войну, перспектива которой ясно просматривалась в позиции России, объяснялось проведение целого ряда конференций европейских держав «по умиротворению Греции». В действительности они были нацелены на недопущение самостоятельных шагов России в решении греческого вопроса. Для участия в конференции, состоявшейся 23 марта (4 апреля) 1826 г., из Великобритании прибыл герцог Веллингтон. Английская сторона должна была добиться от России права полностью контролировать греческий вопрос. Однако российские власти сумели настоять на признании возможности каждой из сторон действовать «единолично», не оговаривая конкретно, какими будут средства этого «единоличного» вмешательства (Между-

¹⁰ Мартенс Ф.Ф. *Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами*. Санкт-Петербург. 1878. Т. IV. Ч. I. С. 347.

народные отношения 1983: 184). Несмотря на то, что «европейский концерт» держав не дал согласия на передачу греческого вопроса целиком в руки России, условия протокола подразумевали, что сторонам предоставлялось право действовать самостоятельно.

Сразу же по завершении конференции в России развернулась подготовка к «единоличному» разрешению русско-турецких противоречий. Россия направила Порте ноту ультимативного характера, в которой подчёркивалось, что российский поверенный в делах М.Я. Минчаки продолжает в Турции политику бывшего посланника Г.А. Строганова, сторонника решительных мер в отношениях с османским правительством¹¹. «Условия, на которых император Александр восстановил свои дипломатические отношения с Портой, не соблюдаются, – обосновывал российские требования К.В. Нессельроде, – вмешательство иностранных держав в эту часть наших разногласий с турками не только не оправдало наших ожиданий ... но лишь осложнило дискуссию»¹². Своим ультиматумом Россия добивалась безоговорочного исполнения статей Бухарестского мира 1812 г., заключённого по завершении русско-турецкой войны 1806-1812 гг.; в противном случае Минчаки и другие члены российского представительства должны были покинуть турецкую столицу¹³. Порте пришлось согласиться на условия ультиматума. К этому решению её подталкивали Австрия и Великобритания, опасавшиеся, что в противном случае Россия немедленно начнёт войну с Османской империей.

Очередным этапом в разрешении греческой проблемы стало заключение Аккерманской конвенции. Русско-турецкие переговоры, длившиеся с июня по октябрь 1826 г., завершились подписанием двусторонних договорённостей. Представителями России на переговорах выступили недавно назначенный посланником в Константинополь А.И. Рибопьер и М.Я. Минчаки. Условия конвенции подтверждали право России оказывать покровительство православному населению Османской империи, содержали Отдельные акты о Сербии и Дунайских княжествах¹⁴. Европейские кабинеты были вынуждены одобрить решения конференции как «счастливое избавление» от угрозы войны на Балканах. Дальнейшие события показали, что заключение конвенции было уловкой со стороны османских властей; позже они прямо заявили о том, что не собирались выполнять её условия, а добивались отсрочки начала войны с Россией.

Турецкое правительство продолжало решительно отвергать всякое внешнее вмешательство в свои взаимоотношения с греками. «Посмотрим, как далеко пойдут меры наших врагов. Греция, свобода, прекращение кровопролития – всё это одни предлоги. Нас хотят выгнать из Европы», – эти слова рейс-эфенди, ска-

¹¹ *АВПРИ*. Ф. Канцелярия. Оп. 468. Д. 2357. Л. 86.

¹² Там же. Л. 79. К.В.Нессельроде М.Я.Минчаки. 5 (17) марта 1826 г.

¹³ Там же. Л. 75. К.В.Нессельроде М.Я.Минчаки. 26 февраля 1926 г.

¹⁴ *Юзефович Т. 1869. Договоры России с Востоком, политические и торговые*. Санкт-Петербург. С. 61-62, 69-70.

занные австрийскому драгоману, свидетельствуют о том, что турецкое правительство не питало иллюзий по поводу заявлений союзников (Соловьев 1876: 105). Чтобы предотвратить подобный ход событий, западные партнёры настаивали на проведении новой конференции по греческому вопросу. В статьях Лондонского протокола, подписанного 24 июня (6 июля) 1827 г., подтверждалось намерение держав решить греческую проблему «коллективными» силами, зафиксированное пунктами Петербургской конференции. Секретная статья протокола гласила, что в случае отказа Порты от посредничества трёх держав они могут принять меры для сближения с греческой стороной и послать консулов в Грецию (История 2000: 147). Неопределённость принятых условий открывала перед державами перспективу активных действий в регионе турецко-греческой войны. Поскольку условия Лондонского протокола подразумевали принятие державами «крайних мер» и морскую блокаду Морейского побережья силами объединённой эскадры трёх договаривающихся сторон, сохраняя при этом пассивность о возможности «единоличного» вмешательства в греко-турецкий конфликт, можно говорить о том, что они вполне отвечали интересам России.

8(20) октября 1827 г. состоялось Наваринское сражение, в результате которого объединённый флот России, Англии и Франции под командованием вице-адмирала Э. Кодрингтона одержал победу над египетско-турецкими морскими силами. Численность сожжённых, потопленных, выброшенных на мель судов противника достигала 60-ти (Гребенщикова 2017).

После Наварина послы союзных держав покинули столицу Османской империи, но представители Англии и Франции поспешили заверить Порту, что их отъезд не означает объявления войны. В тот период Россия в очередной раз оказала грекам материальную помощь: Каподистрия получил полтора миллиона рублей на развитие государственных структур Греции, ему был передан военный бриг «Ахиллес». Ещё в 1826 г. по распоряжению императора были выделены 10 тыс. рублей ассигнациями на выкуп пленных греков из разорённого города Миссолунги, которые продавались «за самую низкую цену» на рынках городов Превезы и Арты¹⁵. Деньги были переведены консульствам, находившимся вблизи территориальной Греции – российскому консулу в Венеции Наранци и консулу на о. Корфу Папандопуло. В осаждённую Навплию весной 1828 г. прибыл транспорт «Пример» с грузом пороха и продовольствия. Общая материальная помощь, оказанная Россией Греции в 1827-1830 гг., составила около 1 млн рублей, не считая денег, собранных русской православной церковью (Нарочницкий 1980: 66). Нессельроде открыто сообщал начальнику русской эскадры под Наварином вице-адмиралу Л.П. Гейдену о скорой войне с Турцией, вследствие чего, по его мнению, греков следовало вооружить как «естественных союзников» России (Международные отношения 1983: 196).

¹⁵ АВПРИ. Ф. Санкт-Петербург. ГА. III-23. Оп. 109. Д. 3 (1826). Л. 1.

После Наваринского сражения русско-турецкие отношения ухудшились. В России приветствовали победу русского флота, воспринимая её как заявку на активизацию внешней политики России на Востоке. В свою очередь, европейские правительства сочли, что совместные действия против Турции послужили укреплению исключительно русских позиций. Подтверждением этого мнения стала весть о начале войны России с Османской империей. Главной угрозой будущей войны, по мнению европейских правительств, было расчленение Османской империи и рост влияния России в новых балканских государствах. Между тем Россия открыто объявляла об отказе от расширения своих границ в Европейской Турции. Её требования сводились к подтверждению Портой привилегий Дунайских княжеств и Сербии, «умиротворению» Греции, свободному судоходству в Проливах и присоединению кавказского берега Чёрного моря. Ничего неожиданного для Порты и Европы в этих условиях не было.

Не только Порты сопротивлялась вмешательству России в урегулирование греческого конфликта. Недавние союзники по Наварину, Англия и Франция, стремились не допустить включения статьи о Греции в итоговый документ, завершавший русско-турецкую войну. Тем не менее Адрианопольский мирный договор, подписанный в 1829 г., подразумевал предоставление Греции статуса автономии. Это условие вызвало бурное негодование в Англии, претендовавшей на роль главной покровительницы греков, и терявшей преобладающее влияние в Турции в результате победоносного завершения войны Россией. «Османская империя более не существует», – заявил министр иностранных дел Великобритании Дж. Абердин российскому послу в Лондоне Х.А. Ливену (Шеремет 1975: 157). Аналогичной, хотя и более спокойной, была реакция австрийских правящих кругов, опасавшихся, что условия мира могли бы низвести Австрию «на положение государства второго разряда» (Фадеев 1958: 359).

На последнем этапе Восточного кризиса Великобритания перехватила инициативу в установлении наиболее благоприятных отношений с греческим руководством – ведь именно английские политики на очередной Лондонской конференции предложили включить в итоговую резолюцию конференции условие о предоставлении Греции независимости вместо зафиксированной Адрианопольским миром статьи о греческой автономии. Российскому правительству осталось «только» поддержать эту инициативу, целиком претворённую в жизнь благодаря усилиям российской дипломатии и русской армии. Согласимся с мнением И.С. Достян о том, что и Первое сербское восстание, и Греческая революция были бы подавлены без военной, дипломатической и моральной поддержки со стороны России (Достян 1972: 36). Решения Адрианопольского мирного договора сыграли решающую роль в том, что уже в 1830 г. стало возможным рассмотрение вопроса о полной независимости греческого государства. Английский кабинет стремился восстановить политическое преобладание Великобритании в балканском регионе путём роста популярности среди греческого населения, а также упрочения экономического превосходства в Османской империи. Уже

после предоставления Греции независимости английский посланник в Афинах Э. Лайонс в беседе со своим австрийским коллегой А. Прокеш-Остеном сказал: «Действительно независимая Греция – это абсурд. Греция может быть или русской, или английской» (Международные отношения 1990: 101).

Военное разрешение русско-турецких противоречий и мирный Адрианопольский договор, включивший статьи о предоставлении автономии Греции и Сербии, безусловно, укрепили авторитет России среди христианских народов Балканского полуострова. Однако в греческом вопросе, представлявшем для России немалый интерес в политическом отношении, российские власти не смогли добиться желаемого результата. Активное вмешательство европейских держав привело к тому, что греческая проблема стала общеевропейской, чему, в частности, способствовал слишком длительный период нерешительности российского МИДа, когда он не мог чётко сформулировать своё отношение к Греческой революции. Постоянно оглядываясь на европейских союзников, российское правительство не посмело оказать действенную помощь «бунтовщикам». Всё это привело к тому, что Греция, как объект политического влияния, была надолго потеряна для России. Полностью отказавшись от идеи «коллективного» решения назревших вопросов и вступив в войну с Турцией, оказав поддержку воюющим грекам и заявив о своих приоритетах в Восточной политике, российское правительство сумело продемонстрировать наличие собственных геополитических предпочтений в Балканском регионе. Политика российского государства в Восточном вопросе стала более внятной и решительной, она была подкреплена рядом международно-правовых актов, на которые Россия могла опираться в последующем развитии своей внешнеполитической доктрины. Дальнейшие планы по закреплению позиций в православных провинциях Османской империи заставили российское правительство использовать более разнообразную тактику взаимоотношений как с Портой, так и со ждавшими помощи христианами, намечая новые направления своей внешней политики на Балканах.

Об авторе:

Елена Петровна Кудрявцева – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. E-mail: demetr22@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: December 24, 2020
Accepted: February 12, 2021

The Greek Revolution of 1821 and Russian Policy in the Eastern Question

E.P. Kudryavtseva

[DOI 10.24833/2071-8160-2021-1-76-31-47](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-1-76-31-47)

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

Abstract: The Greek Revolution 1821-1829 contributed to the beginning and development of the Eastern crisis of the 1820s, which led to the military confrontation in the Russian-Turkish relations in 1828-1829. The Russian government was forced to closely monitor the unfolding events in Greece, repeatedly expressing the Sublime Porte condemnation of her repression against the Greek population. During the crisis the Petersburg Cabinet has repeatedly attempted to settle the Greek-Turkish conflict diplomatically by means of a joint statement of the European powers addressing the Ottoman government. The agreements adopted at the St. Petersburg (1826) and London (1827) conferences of the powers were aimed at "pacifying" the Greek problem through the joint efforts of the European powers. Ineffective European actions resulted in the fact that Russian government was forced to radically change its policy on the Greek issue and declare its determination to take independent steps to resolve the Greek issue and start military operations against the Ottoman Empire.

The Greek uprising of 1821 became the central event of the 1820s. in the Balkans. Standing in the same row with the revolutionary movements in European countries, the Greek revolution led to a change in the entire foreign policy doctrine of the Russian government. It was forced, despite the adherence of the Russian emperors to the principles of the Holy Alliance, not only to provide the rebel Greeks with material and moral support, but also to openly declare to the allies about the existing interests in the Balkans. Match of these interests with the demands for independence of the Greek movement leaders led to a more decisive steps taken by the Russian government in the Greek issue. The Russian Empire took path of an independent policy in the Eastern question, which contributed to the victory of the national interests of Greece.

Keywords: Greek revolution, Russia, Eastern question, international relations, Balkans

About the author:

Elena P. Kudryavtseva – Doctor of History, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences. 19 Dm. Ulianov st., Moscow, 117292, Russia. E-mail: demetr22@mail.ru.

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

References:

Arsh G.L. 1976. I. *Kapodistrija i grecheskoje nacionalno-osvoboditelnoje dvizenije. 1809-1822*. [I.Kapodistrias and Greek Uprising against the Ottoman Empire. 1809-1822]. Moscow: Nauka. 327 p. (In Russian).

Vinogradov V.N. 1984. *Processi obrazovanija gosudarstv v Jugo-Vostochnoj Evrope v XIX-nachale XX v.* [State Formation Processes in South-Eastern Europe in the 19th and Early

20th Centuries]. *Voprosi socialnoj, politicheskoj i kulturnoj istorii Jugo-vostochnoj Evrope*. Ed by G.L.Arsh, V.N.Vinogradov, U.P.Belajeva. Moscow: Nauka. P. 90-102. (In Russian).

Gutkina I.G. 1951. Grecheskij vopros i diplomaticheskiye otnoshenija evropejskih derzav v 1821-1822 gg. [Greek War of Independence and Diplomatic Relations between European States in 1821-1822]. *Uchenije zapiski LGU. Serija istoricheskikh nayk*. 18(130). P. 112-156. (In Russian).

Gutkina I.G. 1966. Protivorechija evropejskih derzav v pervije godi grecheskoj vojni za nezavisimost (1823-1826) [Contradictions between European Powers in the Early Years of the Greek War of Independence (1823-1826)]. *UZ LGPI*. Vol. 288. P. 124-177. (In Russian).

Grebenzikova G.A. 2017. *Morskoje srazenije pod Navarinom: prichini i sledstvija*. [Battle of Navarino: Causes and Effects]. Saint Petersburg: Ostrov. (In Russian).

Guskova E.U. 2002. Balkani v planah Rossii v pervoj polovine XIX v.: territorialnaja ekspansija, politicheskoje vlijanie ili blagotvoritelnost [The Balkans in the Plans of Russia in the First Half of the 19th Century: Territorial Expansion, Political Influence or Charity]. *Ujugoslavjanskaja istorija v noveje i novejsheje vreme*. Ed. by G.F.Matveev and L.V.Kuzmicheva. Moscow: Mosgorarhiv. P. 70-82. (In Russian).

Dostian I.S. 1972. *Rossija i Balkanskij vopros* [Russia and the Balkan question]. Moscow: Nauka. 368 p. (In Russian).

Dostian I.S. 1978. *Russkij uchastnik grecheskoj revoluciji* [Russian Participant of the Greek Revolution]. *Voprosi istoriji*. №4. P. 210-215. (In Russian).

Dostian I.S. 1980. *Russkaja obzestvennaja misl i balkanskije narodi* [Russian Social Thought and Balkans Nations]. Moscow: Nauka. 326 p. (In Russian).

Istorija Evrope. Kn. 5. 2000. [The History of Europe]. Ed. by S.P.Pozarskaja. Moscow: Nauka. 667 p. (In Russian).

Kudriavtseva E.P. 2005. Russkaja diplomatija i plani gosudarstvennogo ustrojstva Serbii v pervoj polovine XIX v. [Russian Diplomacy and Serbian State System Projects in the First Half of the 19th Century]. *Dvesti let novoj serbskoj gosudarstvennosti*. Ed. by V.K.Volkov. Saint Petersburg: Aleteja. P. 100-112. (In Russian).

Mezhdunarodnije otnoshenija na Balkanah. 1815-1830 gg. [International Relations on the Balkans. 1815-1830]. 1983. Ed by G.L. Arsh, I.S. Dostian, V.N. Vinogradov. Moscow: Nauka. 296 p. (In Russian).

Mezhdunarodnije otnoshenija na Balkanah. 1830-1856 gg. [International Relations on the Balkans. 1830-1856]. 1990. Ed by G.L. Arsh, I.S. Dostian, V.N. Vinogradov. Moscow: 349 p. (In Russian).

Narochnikij A.L. 1980. Grecheskoje nacionalno-osvoboditelnoje dvizenije i Rossija. [Greek War of Independence and Russia]. *Voprosi istoriji*. №3. P. 57-68. (In Russian).

Solovjev S.M. 1876. Vostochnij vopros v 1827, 1828 i 1829 godah [The Eastern Question in 1827, 1828 and 1829]. *Drevnaja i novaja Rossija*. № 1. P. 100-115. (In Russian).

Stanislavskaja A.M. 1976. *Rossija i Grecija v konce XVIII-nachale XIX veka. Politika Rossii v Jonicheskoj respublike 1798-1807 gg.* [Russia and Greece in the End of the 18th and the Beginning of the 19th Centuries. The Policy of Russia in the Septinsular Republic]. Moscow: Nauka. 376 p. (In Russian).

Tatischev S.S. 1887. *Vneshnaja politika imperatora Nikolaja I* [The Foreign Policy of the Emperor Nicholas I]. Saint Petersburg: Tip. I.N.Skorohodova. 648 p. (In Russian).

Fadejev A.V. 1958. *Rossija i Vostochnij krizis 20-h godov XIX veka* [Russia and the Eastern Crisis of the 1820s]. Moscow: Iz-vo AN SSSR. 396 p. (In Russian).

Sheremet V.I. 1975. *Turcija i Adrianopolsrij mir 1829 g. Iz istoriji vostochnogo voprosa*. [Turkey and the Peace of Adrianopol 1829. Abstract from the Eastern Question]. Moscow: Nauka. 230 p. (In Russian).

Shilder N.K. 1898. *Imperator Aleksandr I, jeho zizn i carstvovanie*. [Alexander I, his Life and Rule]. Saint Petersburg: Tip. A.S.Suvorina. 716 p. Vol. IV. (In Russian).

Shparo O.B. 1965. *Osvobozhdenije Grecii i Rossija (1821-1829 gg.)* [Greek Liberation and Russia]. Moscow: Misl. 280 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Арш Г.Л. 1976. *И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. 1809-1822*. Москва: Наука. 327 с.

Виноградов В.Н. 1984. Процессы образования государств в Юго-Восточной Европе в XIX – начале XX в. *Вопросы социальной, политической и культурной истории Юго-восточной Европы*. Ред. коллегия: Л.Г. Арш, В.Н. Виноградов, Ю.Д. Беляева. Москва: Наука. С. 90-102.

Гуткина И.Г. 1951. Греческий вопрос и дипломатические отношения европейских держав в 181-1822 гг. *Учёные записки ЛГУ. Ленинград: Серия исторических наук*. 18(130). С. 112-156.

Гуткина И.Г. 1966. *Противоречия европейских держав в первые годы греческой войны за независимость (1823-1826 гг.)*. Л. Т. 288. С. 124-177.

Гребенщикова Г.А. 2017. *Морское сражение под Наварином: причины и следствия*. Санкт-Петербург: Остров. 487 с.

Гуськова Е.Ю. 2002. Балканы в планах России в первой половине XIX в.: территориальная экспансия, политическое влияние или благотворительность. *Югославянская история в новое и новейшее время*. Под. ред. Г.Ф. Матвеева и Л.Г. Кузьмичевой. Москва: Мосгорархив. С. 70-82.

Достян И.С. 1972. *Россия и Балканский вопрос*. Москва: Наука. 368 с.

Достян И.С. 1978. Русский участник греческой революции. *Вопросы истории*. №4. С. 210-125.

Достян И.С. 1980. *Русская общественная мысль и балканские народы*. Москва: Наука. 326 с.

История Европы. 2000. Т. 5. Отв. редактор С.П. Пожарская. Москва: Наука. 667 с.

Кудрявцева Е.П. 2005. Русская дипломатия и планы государственного устройства Сербии в первой половине XIX в. *Двести лет новой сербской государственности*. Отв. ред. В.К. Волков. Санкт-Петербург: Алетейя. С. 100-112.

Международные отношения на Балканах. 1815-1830 гг. 1983. Л.Г. Арш, И.С. Достян, Л.Е. Семенова, АН СССР. Институт славяноведения и балканистики. Отв. ред. В.Н. Виноградов. Москва: Наука. 296 с.

Международные отношения на Балканах. 1830-1856 гг. 1990. Л.Г. Арш, И.С. Достян, В.Н. Виноградов, АН СССР. Институт славяноведения и балканистики. Отв. ред. В.Н. Виноградов. Москва: Наука. 349 с.

Нарочницкий А.Л. 1980. Греческое национально-освободительное движение и Россия. *Вопросы истории*. №3. С. 57-68.

Соловьев С.М. 1876. Восточный вопрос в 1827, 1828 и 1829 годах. *Древняя и новая Россия*. №1. С. 100-115.

Станиславская А.М. 1976. *Россия и Греция в конце XVIII – начале XIX века. Политика России в Ионической республике 1798-1807 гг.* Москва: Наука. 376 с.

Татищев С.С. 1887. *Внешняя политика императора Николая I*. Санкт-Петербург: Тип. И.Н.Скорородова. 648 с.

Фадеев А.В. 1958. *Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX века*. Москва: Из-во АН СССР. 396 с.

Шеремет В.И. 1975. *Турция и Адрианопольский мир 1829 г. Из истории восточного вопроса*. Москва: Наука. 230 с.

Шильдер Н.К. 1898. *Император Александр I, его жизнь и царствование*. Санкт-Петербург: Тип. А.С.Суворина. Т. IV. 716 с.

Шпаро О.Б. 1965. *Освобождение Греции и Россия (1821-1829 гг.)*. Москва: Мысль. 280 с.